

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ СЮЖЕТАХЪ И ХАРАКТЕРѢ СПАСО-НЕРЕДИЦКОЙ РОСПИСИ.

Н. П. Кондакова.

4. Изображеніе ангела на восточномъ (алтарномъ) сводѣ церкви Спаса Нередицы.

Россія сохранила между своими древностями рядъ фресковыхъ росписей, относящихся къ XII столѣтію: таковы Спасо-Мирожскій соборъ 1156 года, Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ 1194 года, Спасо-Нередицкій близъ Новгорода 1198 г и Старо-Ладожская церковь Св. Георгія, роспись которой относится также къ XII столѣтію. Всѣ эти храмовыя росписи по содержанию и стилю своего исполненія являются вѣтвью византійскаго искусства и отмѣчены общимъ характеромъ византійскаго стиля. Однако, ближайшее ихъ разсмотрѣніе обнаруживаетъ значительную разницу не только между ними самими, но также и по сравненію ихъ съ общимъ византійскимъ оригиналомъ. Такого рода фактъ оказывается особенно яркимъ и знаменательнымъ по отношенію къ фрескамъ Нередицы. Въ этихъ послѣднихъ, при всей ихъ византійской типичности, мы какъ разъ не находимъ многихъ наиболѣе характерныхъ признаковъ византійскаго мастерства XII вѣка. Исслѣдователь, привлеченный къ ихъ разсмотрѣнію, убѣдившись въ этомъ яркомъ фактѣ, долженъ былъ бы предположить, что во фрескахъ Нередицы мы находимъ еще архаичное византійское мастерство, которое еще незнакомо было со всѣми утонченностями византійскаго стиля, какъ онъ былъ выработанъ искусствомъ византійской столицы во вторую половину XI и первую половину XII столѣтій. На первый разъ подобнаго рода предположеніе подкрѣплялось бы аналогичными случаями, даже въ отдаленныхъ отъ Новгорода мѣстностяхъ. Такъ, во фресковыхъ росписяхъ нашихъ крымскихъ криптъ, равно какъ и во вновь открытыхъ подземныхъ церквахъ Каппадокіи ¹⁾, относящихся къ XI столѣтію, также наблюдается много чертъ архаизма, особенно по отношенію къ облаченіямъ, коронамъ и другимъ деталямъ. Конечно, Нередицкая роспись воспроизводитъ весь живописный циклъ византійскихъ церквей ²⁾. Однако, даже въ самыхъ сюжетахъ мы уже имѣли случай указать на особаго рода оригинальность, которой мы не знаемъ въ чисто византійскихъ памятникахъ. Таковъ, напр., образъ Св. Чрепня или Нерукотвореннаго образа, на черепицѣ отпечатавшагося, быть можетъ, древне-египетскаго типа, если не происхожденія. Далѣе, образъ „Ветхаго Деньми“, не въ лицѣ Иисуса Христа, но въ видѣ сѣдого старца, облаченнаго въ одежды Спасителя, имѣющаго въ лѣвой свитокъ, благословляющаго правой рукой и надписаннаго именемъ Иисуса

5. Изображеніе Богоматери въ „Деисусѣ“ надъ Горнимъ мѣстомъ церкви Спаса Нередицы.

6. Изображеніе ангела въ тимпанѣ южнаго свода.

¹⁾ Guillaume de Jerphanion, *Deux chapelles souterraines à Cappadoce. Revue Arch.* 1908, t. XII p. 1—32, pl. XIV—XVI.

²⁾ См. Русскія Древности, вып. 6-й, стр. 130—145.

Христа. Ликъ этотъ слѣдуетъ сопоставить съ подобнымъ же образомъ Ветхаго Денъми въ одной изъ церквей Бриндизи¹⁾. Далѣе, мы укажемъ на замѣчательное изображеніе Панагіи или „Богородицы Знаменія“ въ боковой абсидѣ и рядомъ съ иконою Б. М. Алексѣя Божьяго Человѣка — сюжетъ, повидимому, сирійскаго происхожденія, такъ какъ здѣсь изображена именно легенда о поклоненіи Алексѣя Божьяго Человѣка въ Эдессѣ Нерукотворному Образу Богоматери. Весьма возможно, что такого рода изображеніе Панагіи, или Знаменія, существовало въ греко-восточной кустарной иконописи X—XI столѣтій и не успѣло перейти въ иконопись Константинопольскую. Далѣе, подѣ окномъ абсиды, въ нишѣ, видимъ изображеніе *тройного Деисуса* въ медальонахъ: въ срединѣ изображенъ юный Отрокъ Эммануиль, т. е. вмѣсто Спасителя, обычнаго типа, здѣсь представленъ юный учитель Іерусалимскаго храма, быть можетъ, вспомнутый здѣсь ради горняго мѣста, которое украшено здѣсь этимъ изображеніемъ: примѣръ этотъ пока единственный,

7. Верхнее окно въ южной стѣнѣ церкви Спаса Нередицы.

но, если эта догадка вѣрна, то сюжетъ является замѣчательнымъ по глубинѣ мысли. Мы уже имѣли ранѣе случай указывать, что въ одной изъ грузинскихъ миниатюръ, иллюстрирующихъ Евангеліе (Тифлисская библиотека рукописей), Отрокъ-Христосъ, учащій во храмѣ, представленъ посреди возвышеннаго омфала, сложеннаго въ видѣ помоста изъ камней, среди Сигмы Іерусалимскаго храма. Во фрескѣ Нередицы (см. рис. 5) по сторонамъ Отрока-Спасителя, также въ медальонахъ, представлены по-грудь Іоаннъ Предтеча и *Св. Марѳа (ΑΓΙΑ ΜΑΡΘΑ)*, какъ ясно гласитъ о томъ надпись. Изображенная здѣсь женская фигура представлена въ обычномъ типѣ Богоматери въ „Деисусѣ“ Во-первыхъ, самый ликъ представляетъ Богоматерь; далѣе маѳорій, наглухо покрывающій всю фигуру съ головой, и обѣ подъятыя къ Спасителю руки. Но, что окончательно утверждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь изображена Богоматерь, это вышитые на обычныхъ трехъ мѣстахъ. надъ челомъ и на обоихъ плечахъ *звѣзды* и *кресты*, какъ извѣстно, отличающіе изображеніе Богоматери, начиная приблизи-

8. Изображеніе „Крещенія Иисуса Христа“ на южной стѣнѣ церкви Спаса Нередицы.

тельно съ X вѣка въ иконографіи. Между тѣмъ, надпись имени *Марѳа* тоже не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Очевидно, поэтому, что мастеръ, въ данномъ случаѣ, имѣлъ шаблонъ обыкновеннаго Деисуса, на которомъ Богоматерь имѣла по сторонамъ фигуры надпись (по-гречески, или по-славянски, т. е. славянскими, напр., болгарскими буквами на греческой ладъ). Подобнаго рода надпись въ древнѣйшихъ памятникахъ иконографіи Богоматери является

¹⁾ Diehl, Charles, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, p. 52.

²⁾ Перечень и разборъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ этого рода будетъ изданъ нами въ сочиненіи объ „Иконографіи Богоматери“

9. Изображеніе св. Никифора на сѣверной сторонѣ юго-западнаго пилона церкви Спаса Нередицы.

встрѣчается одинаково какъ на греческомъ языкѣ, такъ и на латинскомъ. Но, начиная уже съ VIII столѣтія, когда окончательно установилось, какъ догматъ, наименованіе Маріи — *Богородицею*, эта надпись начинаетъ исчезать, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ собственно византійскаго искусства и при томъ настолько рѣшительно, что встрѣчается лишь въ мелкихъ провинціальныхъ издѣліяхъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ, мы должны считать настоящій памятникъ своего рода архаизмомъ, уцѣлѣвшимъ въ кустарномъ мастерствѣ еще приблизительно съ IX вѣка.

Предполагать, въ данномъ случаѣ, какую-либо русскую самостоятельность или своеобразность, развившуюся въ Нередицкой росписи, считаемъ неумѣстнымъ потому, что вообще такого рода самостоятельности при исполненіи фресокъ съ готовыхъ шаблоновъ, какъ то имѣло мѣсто въ древ-

ности, за рѣдкими исключеніями (роспись столичныхъ соборовъ), нельзя предполагать. Иного рода дѣло исполненіе миниатюръ, въ которыхъ рисовальщикъ, хотя бы иконописецъ, нерѣдко варьируетъ и сочиняетъ темы. Если же Спасо-Нередицкая роспись не пользовалась Константинопольскими шаблонами, то единственное вѣроятное предположеніе, которое мы нынѣ можемъ сдѣлать, считать эти шаблоны болгарскими и относить именно къ нимъ тотъ своеобразный архаизмъ, которымъ эти шаблоны, видимо, отличались. Между тѣмъ, очень многіе памятники Новгородской древности указываютъ намъ одновременно на образцы Корсунской древности, т. е. греко-восточные и болгарскіе оригиналы, которые, повидимому, съ Корсунскими стояли въ большей связи, чѣмъ съ Константинопольскими.

10. Изображеніе князя Яро-Спасителемъ на южной стѣнѣ

слава Владиміровича передъ церкви Спаса Нередицы.